

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА —

ЗАВИДНА судьба книг народного писателя Белоруссии, лауреата Государственной премии СССР Ивана Шамякина. Читатели всегда ожидают их с нетерпением. Художник, остро ощущающий время, он с завидной чуткостью и глубиной говорит о том главном, что волнует всех нас. Каждое его произведение всегда открытие — не только характеров, но и тех общественных процессов, которые, быть может, сегодня дали только первые ростки, но непременно разовьются в завтрашнем дне нашего общества. Очевидно, в этом притягательность его книг, широкая популярность творчества белорусского писателя и на экране, и на театральной сцене.

Недавно в издательстве

лянок и блиндажей шли на хаты в выжженных дотла деревнях. Трудное время. Конечно, это была книга молодого автора, человека, которому не исполнилось и 27 лет. Есть в ней слабости и несовершенства, но, наверное, то, что она написана по горячим следам событий, и принесло ей популярность.

И добавлю — Государственную премию СССР. Хочу также подчеркнуть, что первый роман писателя выдержал трудное испытание временем. Его с волнением читают и сегодня. В Воениздате скоро выйдет (которое уж по счету) массовое издание «Глубокого течения».

Примечательно, что с тех первых шагов в литературе

Иван ШАМЯКИН:

В О З Ъ М У ТВОЮ БОЛЬ

«Мастацкая літаратура» завершен выпуск шеститомного собрания его произведений.

Вот они, эти шесть объемистых томов, в скромных переплетках, еще пахнущие типографской краской, выстроились на книжной полке в рабочем кабинете писателя. Сюда, в мансарду дачи, ведет крутая лесенка — заслон от неожиданных визитеров и беспокойных внучат. Здесь все просто, неприхотливо. Грубовато сколоченный письменный стол, небольшой диванчик, широкое окно с ажурным рисунком зеленых ветвей на фоне неба. Сосредоточенно и тихо. Но стоит раскрыть любую из его книг, как в эту тишину властно ворвется беспокойная наша жизнь с ее горестями и радостями, со встречами и расставаниями, с любовью и ненавистью. Положив перед собой в ряд все шесть томов, не скрывая радости, писатель говорит:

— Выражаясь языком театралов, это самая большая моя премьера. И самая ответственная. Всегда радостно, да и полезно подвести итоги своего труда. Тем более что это итоги длинного пути. Дебют мой в литературе состоялся в 1945 году. Это была повесть «Месть». Написал я ее в 1945 году, сразу же после победы, когда еще служил в Германии. С тех пор прошло 35 лет. А теперь вот — собрание сочинений. 180 авторских листов. Романы, повести, рассказы, драматургические произведения. Разумеется, в шеститомник вошло не все написанное. Как я компоновал его? Соблазнительно было расположить вещи в хронологическом порядке. Но я решил, что читателю будет интереснее не хронология написания, а хронология событий нашего времени, хронология проблем. Поэтому я начал двумя небольшими повестями «Первый генерал» и «Бронепоезд «Товарищ Ленин»». В них я обращаю к событиям революции, борьбы за Советскую власть. Написаны они не так давно.

А следом идет произведение, очень мне дорогое, — первый мой роман «Глубокое течение». Он о моих земляках. Это было в 1947 году. Работал я учителем на Гомельщине. Тогда и «посыпнул» на роман. Молодой был, смелый. Роман о партизанах. Сам я был всю войну на фронте. В 1945-м приехал к себе на Гомельщину, естественно, сразу же встретился с бывшими партизанами. И батка мой был партизанским связным, и тесть тоже, и школьные друзья, а командиром отряда был мой учитель. Так что я, хоть и не был сам партизаном, оказался в окружении этих людей. Я исходил всю округу, места бывших партизанских лагерей с землянками, оружейными мастерскими, госпитальми. Жаль, что не сохранили мы их. Да и время было не то. Бревна из партизанских зем-

лянок и блиндажей шли на хаты в выжженных дотла деревнях. Трудное время. Конечно, это была книга молодого автора, человека, которому не исполнилось и 27 лет. Есть в ней слабости и несовершенства, но, наверное, то, что она написана по горячим следам событий, и принесло ей популярность.

И добавлю — Государственную премию СССР. Хочу также подчеркнуть, что первый роман писателя выдержал трудное испытание временем. Его с волнением читают и сегодня. В Воениздате скоро выйдет (которое уж по счету) массовое издание «Глубокого течения».

Итак, принцип «идти по горячим следам событий», а то и опережая их, предвосхищая важные сдвиги общественной жизни, стал главной чертой творческого поиска Ивана Шамякина. «Криницы», «Сердце на ладони», «Снежные зимы», «Атланты и кариакиды». Они не оставляли равнодушных. Они рождали споры, противоречивые отзывы критики. Недаром сложилось устойчивое мнение: где Шамякин — там дискуссия.

— Вот читатели и в письмах, и на встречах часто спрашивают, почему я так верен теме современности. Скорее всего потому, что судьба моя сложилась так, что я все время в гуще жизни, вместе с людьми. На фронте был комсоргом дивизиона, после войны — секретарем парторганизации сельсовета, где было шесть отстающих колхозов. Не раз меня на бюро райкома за них прорабатывали. В Союзе писателей начал свою работу секретарем парторганизации, был членом ЦК комсомола и членом горкома, обкома партии, сейчас член ЦК, депутат и Председатель Верховного Совета республики. А не мешает ли такая большая общественная работа творческой? Я думал над этим. Посидеть за этим столом подольше, столько, сколько бы хотелось, конечно, мешает, но если говорить о знании жизни, то помогает.

Я знаком с проблемами, которые решаются ЦК партии республики. Президиумом Верховного Совета, Советом Министров. Я знаю, чем живут колхозники, интеллигенция. Видимо, такая беспокойная моя жизнь и дает материал для творчества. Вот, к примеру, есть у меня повесть «Ах, Михалина, Михалина!» Как эта книга появилась? Однажды написала мне учительница из Гомельского района: ее уволили из школы за то, что она полюбила завуча, женатого человека. Тяжелые раздумья были в этом письме. Полная растерянность. Могу я остаться равнодушным? Поехал к этой учительнице. Помог ей, надо было помочь, потому что свершилась явная несправедливость.

Пишут мне много и по моим депутатским делам, и по литературным. Правда, не на все письма успеваю ответить. Пользуюсь случаем, чтобы извиниться перед своими корреспондентами.

Да, действительно, почта Ивана Петровича обширнейшая. Это и деловая корреспонденция, и письма от молодых литераторов. Это и письма-исповеди, подобные тому, что пришло от сельской учительницы. Пишут люди разных возрастов. Но особенно много писем от молодежи. Молодежь любит Шамякина, книги его нарастают и в сельской библиотеке, и в студенческой, и в рабочем общежитии. И читают не только новинки, пишут не только о новых произведениях. И одной из самых «читаемых» ос-

тается пенталогия «Тревожное счастье», написанная почти два десятка лет назад. Почему?

— Давайте договоримся сразу, что я не считаю эту книгу неким образцом. На расстоянии я вижу и ее просчеты, и недостатки. Но «Тревожное счастье» дорого мне, может быть, больше, чем иные мои вещи. Я задумывал пенталогию как рассказ о судьбе моего поколения, поколения, которое было юным перед войной и которое, в большинстве своем, с войны не вернулось. Его судьба, его тревожное счастье, счастье вопреки всему, волновали меня, когда я писал

эти пять повестей, объединенных общими героями. Теперь, когда прошло много лет, когда голова у меня седеет, когда появились внуки, могу сказать, что это произведение автобиографическое. Петро Шепетович, его юная жена Саша имеют другие имена — Иван и Мария Шамякины. А имена моих погибших фронтовых товарищей, например Сени Песецкого, не изменены. Это дань оставшихся жить тем, кто погиб. Не изменены многие ситуации, подробности быта, особенно это касается заключающей пенталогии повести «Мост» — о первых послевоенных годах. Так мы жили — бедно, голодно, но полные надежд, счастливые.

А вот почему читает, вы спросили, сегодняшняя молодежь, почему пишет мне? Задумывался и над этим. Судьба человека на войне. Война и любовь. Они не оставляют человека равнодушным. Вот уже 35 лет прошло после освобождения Белоруссии, но война живет в сердцах людей. Никто не забыт, ничто не забыто. Нег, это не просто слова. Это глубокая память народная и глубокая боль. Война нередко еще стреляет и сегодня, она может искалечить судьбы хороших людей. Об этом мой новый роман, отрывок из которого публиковался на страницах вашей газеты, — «Возьму твою боль». Эта память передается из поколения в поколение.

Еще вот о чем я думал. В «Тревожном счастье», да и в «Глубоком течении» любовь выписана романтической, приподнятой, не побоюсь этого слова, возвышенной. И это, я убедился, привлекает молодых читателей. Потому прихожу к мысли, что напрасно мы порой вытравливаем это романтическое из наших книг. Последние годы в нашей литературе часто подчеркнуто заземленно предстают отношения мужчины и женщины. Морально-этические проблемы замыкаются традиционным треугольником: он — она и еще один он или она. Часто авторы забывают, что есть еще и дитя.

Этот грех еще в большей мере, чем литераторы, могут взять на себя кинематографисты. Когда смотришь наши фильмы, спектакли, да и повести читаешь, то создается впечатление, что во всей великой нашей стране, населенной народами с разными традициями, нет ни одной счастливой семьи. Разлады выдаются за свободу, за высокую эмансипацию. Правильно ли это, а?

Так сам собой наш разговор подошел к теме, которая волнует каждого писателя, — отношения с читателем.

— Тревожит тенденция: у читателя слабеет тяга к ху-

дожественной литературе. Скажете, парадокс? При сегодняшнем книжном буме, при повышенном спросе на литературно-художественные журналы — и вдруг такое?! Между тем это тревожное ощущение есть не у одного меня. Следует только уточнить, к каким произведениям. Увы, к произведениям о современности. В чем же дело? Думаю, что основная причина в самих произведениях. Неумело и несмело мы пишем про сегодняшнюю жизнь. О двадцатых годах, о войне получается значительно лучше. Делаю это самокритичное замечание, потому что литература обязана поднимать глубинные пласты и смело заглядывать в день завтрашний. Мне кажется, что слабость большинства произведений о современности — в отставании романских конфликтов от самой жизни. Если присмотреться внимательнее, то увидишь, что производственные конфликты — а без них не может быть социально значимого произведения — взяты в лучшем случае из 60-х годов, только «осовременены» атрибутами сегодняшнего быта. И, наконец, не в последнюю очередь причиной ослабления читательской заинтересованности бывает авторская несмелость, временами простотами жонглерское умение обойти острые углы и шпы жизни. Наверное, многие читатели обратили внимание на письмо старой коммунистки З. Платоновой в «Правду», где она пишет о своей дочери и зяте, которые стали настоящими обывателями. Глубоко взволновал меня этот крик души. А кто из нас, писателей, сценаристов, художественно полноценно разработал подобный конфликт, хоть нельзя сказать, что мы не знаем о подобного рода ситуациях, не наблюдаем их? Думаю, что и некоторые писатели имеют таких «зятьей», так что не надо ездить в командировки и искать. О нашей несмелости говорит и состояние такого боевого жанра, как сатира. Беззубая она. Или все у нас так благополучно, что не стало в ней потребности? Или комеднографы поняли, что, написав лирическую, любовную пьесу, жить спокойнее, чем тогда, когда напишешь острую социальную сатиру?

Я говорю об авторах — практиках творчества, а значит, и о себе. Но думаю, что это относится и к теоретикам и организаторам литературного процесса. Почаще нам надо задумываться над тезисом постановления ЦК КПСС об улучшении идеологической, политико-воспитательной работы, в котором говорится: «Активизировать деятельность творческих союзов в анализе тенденций развития литературы и искусства».

Иван Петрович — великий труженик. О его работоспособности ходят легенды. Совсем молодым литератором в ранней своей автобиографии писал: работать, работать, работать. И принципу этому верен всю жизнь. В последних номерах журнала «Полымя» за минувший год завершена публикация нового его романа «Возьму твою боль». Русский читатель сможет познакомиться с ним вскоре в журнале «Дружба народов». Закончена большая работа на телевидении — четырехсерийная экранизация романа «Атланты и кариакиды», на студии «Беларусьфильм» начаты съемки по повести «Брачная ночь», в театры передана комедия «Золотая медаль» о сегодняшней сельской молодежи... А на рабочем столе — новая повесть.

— Меня давно захватила драматическая ситуация в становлении Советской власти, события, которые особенно глубоко влияли на судьбу белорусского народа. Это борьба Владимира Ильича за заключение Брестского мира. Тема очень сложная, трудная, вот, видите, на рабочем столе гора литературы: произведения Ленина, стенограммы, протоколы заседаний Совнаркома. Этим я сейчас живу.

Т. АБАКУМОВСКАЯ.
ЗЕЛЕНОЕ,
Минская область.